

Глава 3. Переезд

В течение двух часов после этого я помогала своей гувернантке перетаскивать бельё, ковры, шторы и мебель из комнаты в комнату. Когда мы закончили, моя старая комната исчезла бесследно; моя будущая мучительница отобрала её у меня. Фрау Бакстер передумала и решила оставить мою любимую деревянную кровать себе, выдав мне взамен узкую железную постельку. Стоя спиной к окну, я смотрела, как она застилает своё новое ложе свежим бельём и накрывает её стёганым шёлковым покрывалом, извлечённым из одного из её необъятных чемоданов. Те располагались теперь в той самой комнате, которая когда-то предназначалась для неё самой.

Хоть она и осталась довольна шторами, которые мы для неё подобрали, она, тем не менее, тщательно измерила окно. Затем я помогла ей распаковать оба её чемодана, содержимое которых она переложила в шкаф и комод. Покончив со всем этим, она повернулась ко мне.

— Теперь же, Селин, отправляйся в ванную, раздевайся и прими долгий душ. И мойся как следует! Когда я закончу здесь свои приготовления и приду к тебе, я ожидаю увидеть тебя безупречно чистой и готовой к моему осмотру.

— А Вы уже решили, что я надену после этого? — осведомилась я в глупой попытке сарказма.

— Никакой одежды с собой не бери, девчонка! — отрезала она. — Как только ты завершишь своё омовение, я принесу тебе новый комплект.

«Новый комплект»?! Я и представить себе не могла, что это могло бы быть. Мне тут же вспомнилась карикатура с французскими школьницами: чистенькие и опрятные, они шли строем за своими гувернантками, в своих голубеньких формах и соломенных шляпках. При этой мысли мне стало смешно, но вместе с тем горько. Неужели отец решил одеть меня во что-то похожее? Или это будет что-то строгое и формальное, вроде облачения моей новой гувернантки?

Я тщательно вымылась, как было велено, затем вытерлась насухо. Фрау Бакстер так и не появилась, и я уже собралась возвращаться в комнату сама, но потом передумала. Прошла минута, потом две, потом пять; затем тишину нарушил какой-то странный шуршащий звук. В ванную вошла моя гувернантка, и я тут же увидела источник этого шуршания. Даже с закрытыми глазами я смогла бы опознать материал одеяния у неё на руках, ибо маленькую комнатку тут же наполнил острый запах резины. Обёрнутое вокруг моей талии полотенце упало на пол; разинув рот, я стояла там совершенно голая и смотрела, поражённая, как она развешивает предметы этого одеяния на спинке стула. Тёмно-серая материя слегка поскрипывала, когда один блестящий слой ложился поверх другого, но я всё ещё не могла поверить своим глазам!

Разложив все предметы, фрау Бакстер подняла один из них, и в глазах у меня так и зарыбило от бликов света на блестящей резине. Неужели мне сейчас предстояло это надеть? Что-то смутно знакомое было в этом предмете; он точь-в-точь напоминал детский комбинезончик для двух — или трёх-летнего ребёнка; но этот был сделан по размеру взрослого человека, и я поняла, что именно на мне он сейчас и окажется.

Она приблизилась ко мне, держа костюм в одной руке и расстёгивая длинную молнию другой рукой, и я попыталась было отстраниться, но отступить было некуда. Страх перед

чем-то угрожающе новым и неизвестным охватил меня; но вместе с тем моё лоно вдруг сладко заняло. Постепенно кожу мою что-то защекотало, и от запаха резины голова у меня пошла кругом. Подойдя ко мне, она неожиданно закинула костюм себе на плечо.

— Дай-ка я посмотрю на тебя как следует, девочка. Стань смиренно!

Я стояла смиренно, пока она обходила меня вокруг и поднимала мне руки, чтобы осмотреть подмышками. Затем она стала передо мной, заставила меня расставить ноги и наклонила голову, чтобы осмотреть мою промежность! Она нежно коснулась внутренней стороны моего бедра; я ожидала грубость и жёсткость, но палец её был мягким и тёплым. Проведя им вверх по моему левому бедру, она обвела им вокруг половых губок и вновь опустила его вдоль правого бедра. Согнув палец, чтобы касаться моей кожи ногтем, она провела им вдоль бедра до колена. Я судорожно вздохнула, и она взглянула мне в лицо. Было ли её прикосновение сексуальной лаской, или же она просто проверяла мою реакцию? В тот день мне не суждено было об этом узнать.

— Неплохо, Селин, — сказала она и отстранилась. — Теперь положи руки мне на плечи и продень ноги в свой новый костюм. — Взявшись за резиновое одеяние, она раскрыла его, держа на уровне колен. — Живее! — подстегнула она меня, когда я замешкалась. — Нам некогда стоять тут целый день!

Я подняла одну ногу, затем другую, дав ей натянуть костюм мне до талии. В воздухе повисли лёгкие облачка талька, которым была усыпана внутренняя поверхность одеяния. К тому моменту, как промежность штанишек коснулась моей щёлочке, штанины туго обтянули мои ноги, кончаясь под коленями и обволакивая икры мягкой хваткой эластичных ремешков. Другие ремешки, толще и прочнее, обхватили мои бёдра и талию. Тонкая резина между этими ремнями свободно обмякла на моём теле.

Затем фрау Бакстер продела мои руки в рукава этого одеяния, и новые эластичные ремни обхватили мои локти и запястья. Мгновением позже я услышала и ощутила, как она застёгивает молнию у меня на спине, от копчика до воротника, после чего затянула последний эластичный ремень у меня на шее. При звуке застёгиваемой молнии почти электрическое покалывание между моими влажными половыми губками только усилилось! Широкая полоса толстой резины со внутренней части костюма туго обхватила мою грудь наподобие лифчика. Я не могла понять, как прикосновение самой обычной резины возбудило меня так, как когда-то давно возбудили меня мягкие, робкие прикосновения Михаэля.

— Ну вот, и совсем не больно, правда, дитя моё? — осведомилась она. Вряд ли она ожидала ответ, потому что тут же развернула меня, чтобы я смогла посмотреть на себя в зеркало, всё ещё затуманенное после моего душа. — Ну-ка надень накидку и возвращайся в комнату, — продолжала она. — Нечего тут стоять на кафеле босиком, простынешь! — И с этими словами натянула мне на плечи тяжёлый резиновый плащ.

Глава 4. Переодевание продолжается Когда резиновый плащ коснулся моей кожи, я уверена, что она заметила мою реакцию. Короткий путь обратно до моей комнаты, казалось, длился целую вечность; я шла как по подушкам. Пока я шла, плащ развевался позади меня с шуршанием и шелестом, и этот необычный шелест заставил меня содрогнуться.

В спальне резкий запах резины оказался ещё сильнее, проникнув в каждый её уголок. Он окажется на мне самой!

Корсет был ярко-красного цвета, и я обратила внимание, что он сделан не из обычной резины, а ламинированной, толстой, как карандаш; и со внутренней стороны он был отделан

каким-то совсем другим материалом. Я прикрыла глаза на мгновение, позволив аромату резины наполнить все мои чувства, пока фрау Бакстер завязывала корсет у меня за спиной. Нижний его конец упирался мне в тазовую кость, а верхний доходил практически до подмышек. Мои груди, обтянутые серой резиной моего нательного костюма, приподнялись и легли в жёсткие чашечки на передней части корсета. Затем фрау Бакстер надела на меня пояс, чтобы придержать корсет у меня на талии, после чего начала зашнуровывать его сверху донизу. Покончив с этим делом, она снова взялась за шнурки корсета у меня между лопаток и сильными, резкими движениями принялась затягивать его ещё туже. Я стояла неподвижно, ни говоря ни слова, пока она постепенно продвигалась всё ниже и ниже. После этого она сняла с меня временный пояс, и я подумала, что на этом процедура закончена. Как же я ошибалась! Едва лишь я попыталась отнять руки от дверцы шкафа и выпрямиться, как её рука упёрлась мне в копчик и вынудила вернуться на место.

— Ещё рано, девочка! — резко произнесла она. — Ты же видишь, я ещё не закончила! Корсет болтается на тебе, как на вешалке. Куда ж это годится, так его оставлять, а? — Очередной её риторический вопрос. — К финалу своих сегодняшних усилий я рассчитываю увидеть изменения в твоей осанке и фигуре. Не бог весть какие на первое время, конечно, но сегодня, красавица моя, мы и начнём над тобой работать.

К тому времени, как фрау Бакстер затянула корсет вторично, я уже хватала ртом воздух, но и этого ей было мало!

— Ну-ка вытянись вверх, Селин! — скомандовала она. — И втяни грудь и живот, пока я затягиваю!

Выполнить её приказ было уже почти невозможно, но я попыталась; и с каждой моей попыткой очередная порция шнуровки затягивалась всё туже и туже. К тому времени когда она, наконец, удовлетворилась делом рук своих, я не могла даже помыслить о том, чтобы вытянуться ещё раз, до того сильно напрягся мой позвоночник. Фрау Бакстер помогла мне отойти назад, придерживая до тех пор, пока не убедилась, что я могу стоять на ногах. Взглянув в зеркало, я поразились перемене, которую произвёл во мне корсет. От плечей и до бёдер я вообще не могла шевельнуться, ибо он стиснул в себе весь мой торс без остатка... и она ещё говорила, что это только начало!

Корсет, казалось, был сработан из одного цельного куска ламинированной резины, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что тонкие, еле заметные швы соединяют между собой отдельные полосы материала. Попытавшись двинуться, я ощутила внутри жёсткий каркас; гибкий металл подавался немного, но потом быстро возвращался в исходное положение. Живот и все прочие мышцы уже начинали ныть, ибо корсет, обхватывая меня в районе талии, выталкивал зад наружу, образуя словно бы полочку у меня за спиной. Грудь моя, напротив, выпятилась вперёд, выталкиваемая идеально прямой спиной. Весь мой торс напоминал сейчас песочные часы, наклонённые на тридцать градусов от горизонтали. Середина же этих часов, моя тонюсенькая талия, претерпела невероятные изменения.

— Превосходно для начала, Селин! Теперь садись за стол, и я принесу чай. — Она улыбнулась; не иначе, радуясь моему дискомфорту, подумала я.

Развернувшись на каблуках, фрау Бакстер пошла прочь, и я слышала на лестнице её удаляющиеся шаги. Я осторожно выполнила её приказание, радуясь передышке; двигаться приходилось еле-еле, все суставы в моём теле словно заклинило. Мне хотелось измерить свою новую талию, но сантиметра под рукой не было. Тут я заметила поясок от платья: он валялся

неубранный под моим туалетным столиком, и я, придвинув его к себе ногой, кое-как нагнулась и подняла его с пола. Обернув его вокруг непривычно твёрдой талии, я продела конец сквозь пряжку; но корсет держал меня так туго, что я не в силах была увидеть разницы, и поэтому, затянув пояс, отметила новое положение пряжки пальцем. Осторожно сняв затем пояс и поднеся его к глазам, я была в шоке! Даже навскидку было очевидно, что талия моя уменьшилась процентов на двадцать пять. Я всегда гордилась своим размером в 64 сантиметра, но теперь я подсчитала, что корсет отнял отсюда сантиметров 16, если не больше! Осторожно заведя руку за спину, я потрогала щель между краями моей резиновой тюрьмы; к счастью, остающийся зазор был едва заметным, я даже не смогла просунуть туда палец.

Когда фрау Бакстер снова вошла в комнату, я услышала, как она несёт что-то на подносе, и медленно повернула голову, чтобы увидеть там объёмистую стальную воронку и ещё какие-то непонятные предметы. Она поставила поднос на свою постель, и тут я увидела, что на ней надет тяжёлый резиновый фартук белого цвета. Взяв с подноса один лишь предмет, — длинный резиновый шланг коричневого цвета, — она стала мять и растягивать его. Положив его на стол передо мной, она затем извлекла из кармана фартука какую-то баночку, открыла её, обмакнула два пальца в прозрачный крем и стала намазывать им шланг, аккуратно покрывая его слоем вещества по всей длине, оставив сухими лишь семь-восемь сантиметров с одного конца. При мысли о том, что должно было произойти дальше, я содрогнулась.

— Не нужно бояться, Селин, — сказала она. — Ты должна помнить, что своими действиями я никогда не нанесу тебе непоправимого вреда. Какими бы странными и жестокими ни казались мои действия, в конечном итоге они направлены на твоё же благо.

Я очень хотела поверить этой женщине. Мне нужно было ей верить, ибо отец отдал меня в её полное распоряжение!

— Глядя на твоё ужасное поведение сегодня за столом, — продолжала она, — я решила, что право есть самостоятельно ты должна сперва заслужить. До тех же пор я сама возьму на себя эту ответственность. Давай-ка подними голову и открой рот как можно шире. Сейчас я начну засовывать туда этот шланг, а ты будешь должна проглатывать его. Предупреждаю: когда она начнёт проникать тебе в желудок, даже не думай отодвигаться или пытаться вытолкнуть его.

Всё как я и подозревала! Но как же сильно я хотела ошибиться! Сейчас этот резиновый шланг отнимет у меня способность жевать и проглатывать собственную пищу, отнимет у меня вкус еды, отнимет у меня саму свободу есть либо отказываться от еды. Я начала осторожно отодвигаться вдоль края стола, ибо это было слишком уж чересчур. Мне нужно было покинуть эту комнату и очутиться в безопасности отцовских объятий! Быть может, он не подозревает, что эта женщина делает со мной, и как только узнает, то немедленно это прекратит.

Как же я ошибалась!

Не успела я достичь края своего сиденья, как невидимые руки, сильные, мужские руки схватили меня за плечи и пригвоздили к месту! Мой собственный отец держал меня, пока эта так называемая гувернантка готовилась запихивать еду мне в горло, точно гусыне, откармливаемой на убой! Одной рукой фрау Бакстер ухватила меня за нос, преградив мне таким образом возможность дышать, а заодно запрокинула мне голову вверх и назад. Я была совершенно бессильна противостоять ей, когда она начала запихивать скользкий резиновый шланг мне в рот и вглубь моего горла! Непроизвольной реакцией моего тела было противостоять этому вторжению, и я начала давиться, что тут же переросло в беспомощный,

булькающий хрип; но я уже теряла сознание.

Последним, что я услышала, был голос моего отца.

— Крепись, дитя моё! — увещевал он меня. — Это для твоего же блага! Я знаю, это всё для твоего же блага!

Помню, что перед тем, как провалиться в забытие, я подумала, что эта женщина каким-то образом околдовала его, заставив произносить её же слова! Не мог же он в здравом уме подумать, что такое обращение может принести мне хоть какую-нибудь пользу!